Автор: Есельсон Семен (Россия)

Утром мама сказала: «Что-то, Василисочка, худо мне, пойду прилягу». Василисочка на секунду остановилась, потом сказала «угу» и побежала в сени, во двор, а там дети играли в салки.

Мама как слегла, так больше и не поднималась. А к зиме, когда завывали трубы, мама призвала Василису, благословила её и сказала: «Доченька, прости, милая, что не дорастила тебя. Помираю. Вот, возьми куколку. Как будет в жизни туго, возьми куколку ручкой нежной, покорми куколку свою ненаглядную». Потом мама осеклась, помолчала, набралась сил и прошептала: «Рассказывай ей о своём житье-бытье. Позови меня. А я тебе с того света помогать буду. Только пойди в церкву, сделай положенное».

На похороны мамы Василиску пытались увезти, но она сказала: «Мне можно, я уже большая. Меня мама благословила», — и её оставили. Отстояла Василиска в церкви все сорок панихид, и пошла жизнь без мамы.

Отец, хороший человек, погоревал положенное, призвал Василису в дом на чай-баранки, а там тётя сидит, ласковая очень.

Погоняли чаи, тётя ушла, а отец и спрашивает Василиску: «Тётя хорошая?» «Хорошая», — сказала Василиска, папе угодила.

Папа был купец, что значило — часто отъезжал по разным надобностям.

Тётя переехала в дом, да не одна, а с двумя дочерьми, двойняшками, на годок старше Василисы. «Вот тебе, Василиса, «хорошая тётя» в мамы, да две сестры в придачу». Сказал папа, да и уехал в поездку по купеческим надобностям.

Тётя была хорошая сначала. Как детей грамоте обучать да домашним премудростям, то всё Василиску перед своими дочерьми хвалила, в пример ставила, как она лучше их успевает. И все бабы-соседушки говорили вослед Василисушке: «Свезло сиротинушке, мачеха, а как мать родная — как они только прознавали, что у них в доме бывало, за закрытыми дверьми да за запорами?»

Одно огорчало Василиску — сёстры сводные невзлюбили её, в свои игры не брали, другим детям на Василиску нехорошее говорили. И сколько ни угождала им Василиска, злобились они пуще прежнего.

Так годок-другой-третий-четвёртый прошел, подошло время хороводов девичьих. Начали парни на Василисушку — молоду красу засматриваться, а на дочек мачехиных, сестёр её сводных — нет. Тут ласки у мачехи и поубавилось, стала она тётей строгой, серьёзной, требовательной. Но только к Василисочке. Перестала её совсем со двора отпускать. Работой нагрузила пуще прежнего — «чтоб бездельницей не росла».

А как парень один было сватов заслал, она будто белены объелась — сватов отправила с криком «рано ей ещё» и добавила, что не бывало такого, что младшие

сёстры шли замуж раньше старших, а Василисочку нагрузила ещё работой — не только по дому, но и в хлеву убирать, и коров доить, а по полю-огороду работы всегда вдоволь, делать-не переделать.

Стало туго Василисе. Она тихонько в чулан заперлась, вытащила куколку, покормила, про горести свои рассказала. Да и слышит голос: «Не горюй. Пособлю. Бог даст — справимся». Шла Василиска работать и даже не замечала, как работа вся и переделана. Приходила мачеха, строгая проверщица, и никакого изъяна не замечала.

Только Василисе это не помогало. Как взъелась на неё мачеха, так не единожды и не разжалобилась.

А отец всё в поездках и поездках купеческих, хоть и приезжал с гостинцами, но всем дочерям поровну, чтоб жене угодить, да и как ему пожалуешься на жену законную, справедливую. И хоть на отцовские расспросы Василиска глаза прятала, но отец не примечал этого.

Однажды лекарь деревенский сказал мачехе, для здоровья ей полезно лето пожить у лесов, на выселках.

Стали они жить в избушке, на опушке лесов дремучих. Мачеха совсем строгой стала. Задания по счету-грамоте дает всем троим, а судит по-разному, своим дочкам ошибки прощает, а Василисе — ни за что. Чуть что — бить начала, «за нерадивость», говорит. Вокруг-то никого, никто не увидит следы побоев на Василиске, да и кому бы она показала их?

Что делать? Она заберется в угол, кормит куколку и слышит: «Не тужи, ложись спать, милая, утро вечера мудренее», — тут же от мыслей нехороших отходила и в сон, а там все в цветочках, в ягодках.

Как хворост собрать, грибы — ягоды, да в дальнее село пойти с передачей через лес, так всё — Василиске задание. В лесу том, сказывали, жила баба Яга. Её никто не видел, но говорили, что её когда-то обвинили в потраве посевов и изгнали из одной из деревень. Побили батогами и изгнали, и вроде при этом забили её ребеночка, которого она в себе носила. Она сумела выжить в лесу и обрела там превеликую силу колдовскую. Деревне той жестоко отомстила. Но не остановилась. Мстила, мстила и мстила. Особенно любила баба Яга изничтожать детей и баб с младенчиками. Но не брезговала и одинокими путниками. Говаривали, что множество путников, заблудших в том лесу, были ею чуть не живьём съедены.

Как Василиса в лес выходила, так куколку в руке сжимала, хлебными крошками да лесными ягодами потчевала. Только жаловаться, а слышит голос: «Не боись, доченька. Тебя Господь упасёт», — и сразу так тихо и спокойно становилось. Ничего Василиску не брало. Опасность обходила её стороной.

Однажды мачеха дала на вечер работу девушкам, а сама легла спать ранёхонько.

Работают девушки, прядут при единственной свечке, тихо переговариваются. И вот беда пришла — потянулась Василиска за мотком ниток, да, видно, слишком резко — пламя свечи всполохнулось, встрепетало и погасло. Что делать-то? Стали сёстры Василиску винить. Василиска плачет, вину признаёт. А они: «Что нам от твоих извинений!» А что делать? Делать-то что? Вот они говорят: «Иди в лес, ты там все тропинки облазила, всё знаешь, найди бабушку Ягу, у неё огонь и займи». А потом добавили: «Иди, иди скорее. Она тут недалече, она тут лесником работает» — и смеяться начали, юмор у них, вишь, проснулся.

Пошла в лес Василиска, плачет горько, идёт куда глаза глядят. Вспомнила о куколке, покормила её, побаюкала, успокоилась. Вдруг — топот. В голове пронеслось: «Ой, мамочка!» Слышит: «Не боись, милая, только Богу молись». Спряталась Василиска меж тесных деревьев. Видит — скачет всадник на белом коне, и сам весь в белом, и сбруя у коня белая. Не заметил её, проскакал. А вскоре светать начало. Бредёт дальше Василисочка по лесу, куда глаза глядят. Дрожит. Вскоре снова слышит топот. Посторонилась, в деревья вросла. Видит — скачет всадник на красном коне, весь в красном. Проскакал мимо, её не заметил. Стало солнце всходить.

Идёт по лесу Василисочка. Грибы, ягоды, цветочки луговые её не радуют. Думы тёмные одолевают. Где искать бабу Ягу? Да и что делать, если найдёт? Так день и минул.

Опять топот. Деревья трясутся, кусты ломаются, листья сыплются. Посторонилась Василисушка, за дерево широко спряталась. Видит — всадник во всю прыть мчится, весь в чёрном, конь у него как смоль, глаза горят, ноздри раздуваются, и сбруя тоже вся чёрная. Промчался всадник. И ночь опустилась на лес. Звёзды далёкие, чужие, друг другу помигивают, да луна освещает, что может.

Бредёт Василисочка по следам всадника в чёрном, по поломанным кустам, ищет, где голову приклонить, чтоб звери не достали и птицы хищные не склевали. Вдруг поляна впереди. И изба на ней.

Забор вокруг избы из костей человеческих, на заборе — черепа со светящимися глазницами. Вместо столбов воротных — ноги человечьи, вместо запоров — руки, замок висел на воротах тех — челюсти с огромными зубами.

Вдруг глазницы засветились пуще прежнего — так, что на поляне стало как днём светло. Страшный треск послышался и гудение, земля ходуном ходит, листья, сучья, сор над землей вьюгой пошел, будто смерч какой приблизился, летит на поляну ступа с бабою Ягой. Баба Яга следы заметает. Вышла из ступы, опираясь на три пары рук, невесть как из воздуха появившихся. Ступила на землю костяной своей ногой, остановилась, принюхалась, чихнула. «Фу-фу, русским духом пахнет, что за человечишка к нам сама пожаловала. А ну выходи, не таись, все равно найду».

У Василиски от страха сердце чуть не выпрыгивает.

Опомнилась. Сжала в кулачок свою куколку. Слышит: «Не бойся, Василисушка, я с тобой».

Вышла она к бабе Яге. «Это я, бабушка, я, Василиса, к Вам за помощью пришла. Меня мачехины дочки послали к Вам за огнём. В избе свеча погасла, вот и послали».

— За огнём, говоришь? Знаю я мачехиных дочек, и мачеху твою знаю. Что же, поработаешь у меня, угодишь — дам тебе огня для мачехи и мачехиных дочек. А не угодишь — съем тебя. Согласна?

— Согласна, бабушка.

— То-то же, еще бы «не согласна»!

Обернулась старуха к воротам, зыркнула глазом — ворота и отворились.

В дом вошли. Старуха тут же на лежанку подле печи: «Ох, кости мои древние». Повернулась к Василисе: «Что стоишь, как вкопанная? Приступай к службе. Подавай-ка мне то, что есть в печи, я проголодалась».

Василиса зажгла лучину от черепов, что на заборе, разожгла светильники в горнице, подлила масла в них. Начала таскать из печи и подавать бабе Яге яства всякие. А состряпано было много — человек на десять. Из погреба принесла она кваса, морсу, вина всякого. Все съела, все выпила старуха. Оставила Василисе только щец на донышке, краюху хлеба да кусочек поросятины.

Поела баба Яга, да и спать отвалилась. Захрапела, засвистела. Вдруг проснулась и говорит: «Когда завтра я уеду — двор вымети, избу тоже вымети, пол начисто помой, бельё постирай, да и высуши, обед состряпай, пойди в закром, увидишь четверть пшеницы — отчисти ее от чернушки. Чего не сделаешь — слово старухи — «тобой поужинаю». Сказала и заснула.

Василиска было пригорюнилась, голову на стол положила, руки в карманы опустила. Куколку нащупала, вспомнила. Высыпала на стол крошки хлебные, потчует куколку. Слышит: «Не тужи, Василисочка, Богу помолись, да и спать ложись. Утро вечера мудренее».

Чуть свет — встала баба Яга. Глянула хитрым взглядом на Василису, гаркнула басом: «Съем», — высморкалась, забралась в ступу и улетела, помелом следы заметая.

Осталась Василиска одна, дом осмотрела, подивилась изобилию всего. Одного в доме не было — живой души: ни собачки, ни кошечки, ни канареечки. Всё яства всякие и питие, да одежда, да перины всякие, да шкафы резные, да картинки с лицами женскими, одно другого краше, да все мертвые — ни румянца, ни радости, ни света в глазах.

Василисочка села за стол, растерялась, задумалась, за что сперва браться — глаза и мысли разбегаются. Слышит: «Не беспокойся — я уже все переделала. Ты только обед состряпай, состряпай с Богом, да и отдыхай на здоровье».

Начало смеркаться, пролетел стремительно черный всадник, и стало совсем темно. Сидит Василисочка тихонько в темноте, не шелохнется, лучинку не зажжет, слова не скажет. За куколку держится. Слышит: «Не бойся, милая, темноты, Сиди тихо, гостьей осторожною, и жди, Богу молись».

В доме темень, тишина, а на дворе глаза у черепов ярче солнца горят, хруст, шорохи всякие, тени мелькают, мельтешат, в окна заглядывают.

Вдруг затрещали деревья, вьюгой встрепетала листва, посыпались старые сучья — на поляну опустилась ступа с Бабой Ягой.

Василиса сидит, не шелохнется. «Что гостей на крыльце не встречаешь, молода хозяйка, иль рассерчала?» — «А можно разве, бабушка?» — «Ишь ты, правильно спрашиваешь».
Баба Яга прошла в дом, посмотрелась в зеркало. «Бабушка, говоришь,.. Ладно, коли так. Все ли сделано?»

— Изволь посмотреть, бабушка.

Баба Яга осмотрела все, подосадовала, что не за что зацепиться, буркнула под нос себе, но так, чтобы Василиса слышала: «Все равно съем», обернулась и крикнула: «Верные слуги, сердечные други, смолите эту мою пшеницу!»

Явились невесть откуда три пары крепких мужских рук, схватили пшеницу и с глаз долой.

Баба Яга только и сказала: «Вот так-то, други, бывшие сердечные». Села, поела, что Василиса подала, да и на боковую.

Захрапела было, вдруг чихнула, очнулась, села на постели и говорит Василиске: «Значит так, завтра сделаешь то же самое, что и нынче, да сверх того, возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку».

Сказала да и завалилась спать.

Ночь темнеется. Сидит Василиска на лавке у окошка, кормит куколку хлебными крошками, поит куколку молочком из блюдечка, на молочко дует, остужает. Слышит: «Не горюй, милая. Молись Богу да и ложись спать. Утро вечера мудренее, Василисушка».

Чуть свет Баба Яга улетела на ступе по своим надобностям, а Василиса-то как начала трудиться, как заведённая. И всю работу справила.

Старуха воротилась, глянула на всё, крикнула другов своих, бывших сердечных. Унесли они мак на выжимку масла. Баба Яга села кушать. Василиска стоит тихонько в сторонке, смотрит.

Хлебает старуха да, не поднимая головы, и спрашивает:

— Что ж ты ничего не говоришь со мной? Али язык у тебя отнялся?»

— Не смею, бабушка.

— Хо, не смеешь, правильно не смеешь. Ладно, разрешаю, спрашивай. Тока не всякий вопрос к добру ведет.

— Я хочу спросить Вас, бабушка, только о том, что сама видела.

— Хороша твоя присказка. Что сама видела, а не что люди говорят. Люди, вишь, соврут, ты повторишь, а я обижусь, да и съем тебя. Во как. Ну, давай-давай, продолжай.

— Когда я шла сюда, видела всадника в белом, на белом коне, и сбруя у того коня белая. Кто был это?

— Это день мой ясный.

— Потом был всадник в красной одежде на красном коне, со сбруей красной. А это был кто?

— Это солнце мое красное.

— Потом, вижу, всадник скачет. Весь в чёрном. И конь у него чёрный, и сбруя чёрная. А это кто?

— Это ночь моя тёмная.

Василиса о трёх парах крепких мужских рук вспомнила, но прикусила язык, стоит, молчит.

— Что же дальше меня не спытаешь? Аль в голове что-то пересохло?

— Будет с меня и того, бабушка.

— Отчего так?

Василиска хотела сказать, что часто дома слышала: «Будешь много знать — скоро состаришься», но в голове тихо-тихо зазвучало: «Осторожно, милая». Втянула воздух Василиска и осеклась, на старуху молча смотрит.

— Это ты хорошо сделала, что меня, старуху древнюю, возрастом не обидела. И то хорошо, что не спрашивала про то, что во избе видела, а только про то, что за двором. Я не люблю, когда сор из избы выносят. Я таких ем. Теперь я тебя спытаю, что ты за фрукта такая. Больно ты какая-то не по-человечьи хорошая. А вот скажи мне, как успеваешь выполнить ты работу, которую я задаю тебе?

— Меня мама перед смертью благословила.

— Вона как! Ишь ты! Пошла быстро вон, благословенная дочка. Не нужны мне здесь благословенные! Пришла покой мой нарушать! Уходи отсюдова и побыстрей, и дорогу забудь.

Вытолкала баба Яга Василиску из горницы, вытолкала со двора. Сняла с забора череп с горящими глазами, насадила на палку, передала палку с черепом Василиске из рук в руки: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек и матери их. Зачем тебя посылали, то и получат; так и скажи им: Баба Яга передавала, кто бабу Ягу зовет, к тому и приду». Это у Вас Дух бродит, где хочет, к кому хочет, к тому и приходит. У Вас — нечаянная радость, а у нас — чаянное горе... Всё, быстро отсюда».

Устремилась быстро Василиска при свете черепа. С рассветом глаза его погасли. И следующую ночь шла Василиска без устали. Вечером второго дня дошла до избы мачехи.

Смотрит — ставни открыты. И в доме ни огонька, ни искорки.

Постучалась. Встретили хорошо, поесть дали. Сказали, что как её к бабе Яге отправили, так в доме свет и не появлялся. То есть из других домов пытались огонь перенести, но как порог переступали — он сразу же гас.

Внесли череп в горницу, разожгли лучину от него, разожгли, раздымили печь, еду нагрели. Вместе с Василиской поесть сели. В доме светло, кругом светильники горят, на столе на блюде череп стоит, глаза горящие.

Только сели есть, младшая дочь мачехина, что второй родилась, говорит: «Ой, он на меня чего-то смотрит»; старшая: «И на меня». Мачеха им: «Не выдумывайте». И осеклась. Василиска меж тем на расспросы отвечает во всех спрашиваемых подробностях. Младшая дочь говорит: «Что-то жжёт меня внутри, в груди горит, ворочается». И старшая: «А у меня тоже горит, вдвое противу твоего больше». Вскочили, бегают, огонь тот внутренний ничем загасить не могут. Пыталась мачеха им помочь, да ничем не смогла. К утру обе мачехины дочки совсем сгорели. Мачеха, как увидела такое, волком взвыла, Василиску ищет по дому, убить хочет, да всюду только на глаза горящие натыкается. Из сил выбилась, злобу на себя повернула, за дверь вышла, нашла осину, на ней и удавилась.

Василиска утром проснулась, а в живых в доме никого, одна она одинешенька. На столе в горнице неприбрано, и череп с потухшими глазами на блюде стоит.

Вырыла Василиска могилы, похоронила всех, и череп тоже похоронила, заперла дом на замок, да и пошла в город следы отца искать.

При входе в город сидела и торговала травой-муравой от недугов всяких, яблоками и клюквою болотной одна старушка безродная. Сторговала Василиска два яблока у нее да и напросилась на постой к ней.

Дни-недели идут. Разузнала Василиска, когда караванов купеческих ждать, стала жить у старухи — не тужить, дни на вечер коротать, отца ждать.

Только слышит один раз Василиска поутру тихий голос знакомый: «Негоже тебе, милая, без дела сидеть, время убивать». Пошла Василиска к старухе-хозяйке и просит: «Купи мне, бабушка, льна хорошего — я прясть буду. Что ж без дела мне сидеть, время убивая».

Купила старушка льна, и принялась Василиска за дело. Вышла пряжа на загляденье — ровная, тонкая, в человечий волос. Старушка смотрит, дивится, радуется. Продала немного из Василискиной пряжи — стала в доме у них еда бывать кроме гнилых яблок. Вот говорит Василиска старушке: «Хорошо бы мне поткать, только где стан взять».

Ходила старушка, спрашивала, только не могла найти стана, чтобы для такой тонкой пряжи сошел.

Вспомнила Василиска о куколке, ночью украдкою пошла кормить ее, слышит: «Не гоняй, милая, бабушку, сама иди и смотри, справляйся».

Пошла Василиска в город, долго ли, коротко ли ходила, только нашла всё, что нужно.
Выткала Василиса полотно тонкое-претонкое, такое даже купцы персидские из далеких стран не возили. Василисочка говорит старушке: «Возьми, бабушка, полотно это, продай, а деньги возьми себе, они тебе вперёд сгодятся».

Старушка глянула на Василиску, заплакала от радости и решила полотно отнести во дворец царский, туда продать.

Принесла старушка полотно во дворец, показывает. Смотрят слуги царские, дивятся. Тут царь призвал главного слугу, спрашивает: «Скажи мне на милость, какая чуда-юда есть в нашем царстве-государстве? Аль ничего мы не можем супротив бусурманских мастеров? Скажи мне правду, не обижу». Тут слуга главный вспомнил о старушкином дивном полотне. Позвал царь старушку с полотном к себе. Глядит на полотно, рукой белой трогает, пальцами тонкими, дивится: «Что хочешь за него?», — старушку спрашивает.

«Ему цены нет, царь-батюшка. Я тебе его подарю, коль так тебе понравилось».

Поблагодарил царь старушку, да и отпустил с подарками щедрыми.

Удумал царь, из полотна того чтоб сорочки ему сшить нежные, царские. Выкройку ему сделали, да сшить боятся, полотно тонкое повредить — гнева царского убоялись наперед. Долго отыскивали швею, да сыскать не могли. Тогда повелел царь-государь призвать старушку. Молвил своё слово царское: «Умела полотно соткать, сумей и сорочки сшить».

Старушка тут ему и отвечает: «Дозволь, царь-государь, слово правды тебе сказать. Не я пряла пряжу тонкую и ткала ткань нежную. Девушка живёт у меня приёмышем, сиротинушка, отца-батюшку из дальних стран ждёт, уже долго ждёт, коль жив-здоров — воротится. Вот она спряла пряжу и соткала полотно, что тебе пригоже».

«Хорошо, бабушка, что правду молвила. Пусть она и сошьёт мне».

Воротилась домой старушка, рассказала обо всём Василисочке.

Принялась Василиса за работу, шила от души, не покладая рук. Скоро дюжину сорочек сшила.

Понесла старуха сорочки в палаты царские. А Василиса прилегла дух перевести. Только уснула — о куколке вспомнила: давно её не кормила, давно не миловала. Радуется куколке, ни о чём её не спрашивает, ни о чём не просит.

Умылась, причесалась, видит — на двор пожаловали слуги царские, входят в горницу. Молвят: «Не ты ли та искусница, что работала царю-государю нашему сорочки нежные, иль другую нам искать?»

Отвечает им Василиса: «Я — та, кого вы ищете».

Слуга старший ей: «Пойдем с нами — царь-государь изволил видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить своей рукой царскою».

Явилась Василисочка пред очи царские. Как увидел царь Василису, что она хороша лицом, стройна станом, как повел с ней речи всякие и углядел, что она светла думой, так и влюбился в неё без памяти. Говорит царь-государь Василисочке: «Нет, красавица моя, не расстаться мне с тобой, будь мне женой».

Растерялась Василиска, гладит куколку: что делать-то ей? Слышит: «Будь осторожна, доченька, на царский гнев и на царскую любовь». Спрашивает Василиса: «А где, царь-государь, жены твои прежние, где теперяшняя?» Отвечает царь: «Люба ты мне, девица-краса молода, а те, кто не люб, в монастырь ушли — любовь силком не удержишь, и теперяшняя туды пойдет, по справедливости». Спросила Василисочка царя-государя: «А где детки твои?» — «Детки мои царские все под присмотром, мамки-няньки у меня с опытом, с проверкою».

Гладит Василисочка куколку в кармане платьица, гладит рукой дрожащею. Слышит: «Молись, милая, проси, чего знаешь, у Бога нашего. И я за тебя».

Помолилась Василисочка, собралась с духом и говорит царю: «Не вели, государь, казнить, коли скажу тебе поперек. Люба тебе краса моя молода, нынешняя, полюби же красу бывшую жены твоей законной, венчаной, как перед Богом обещал».

Царь смешался от речей таких. Молвит: «Скажи мне, дева-краса, почто не боишься перечить мне, царю-государю твоему? Много жён было у меня, и никто не перечил мне».

Отвечает Василисочка: «Не боюсь перечить тебе оттого, что со мной благословение матери, и мамочка с того света за меня перед Богом молится, заступается». «Ну, коли так, — сказал ей государь-царь, — иди отседова на все четыре стороны, дочь благословенная, иди быстрее, кто б меня когда благословил».

Поклонилась Василисочка царю до полу и восвояси ушла.

Вернулась к старушке, рассказала всё как было. Старушка обрадовалась, попотчевала Василисочку пирожками-пряниками, орешками разными, в путь собрала, пока царь-государь не передумал.

Сходила Василисочка со старушкой в церкву, отстояли обедню, и отправилась Василиска по свету отца искать.

С тех пор и до теперяча, куда бы она ни пожаловала, вместе с ней приходила радость нечаянная ручейком серебряным. И в народе называли её Василиса Прекрасная, сказки-песни о ней складывали, девушек смолоду ею укрепляли, родителей наставляли.